

УДК: 94(477)

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ О «ГУСЕ ИОНЫШЕ» В СОСТАВЕ РУКОПИСНОГО СБОРНИКА XVI В.

Непряхин Иван Юрьевич

Национальный исследовательский Университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия
nepryahin-ivan@mail.ru

Аннотация. Распространение «еретических» учений в пределах Киевской митрополии во второй половине XVI в. приводило к необходимости создания специальных полемических текстов против носителей неортодоксальных учений, изучение которых позволяет наиболее полно взглянуть на развитие интеллектуальной жизни православно-католического пограничья. Среди таковых текстов достаточно обширным является анонимное сочинение против «еретиков»-«гусов», которое сохранилось в трех списках. В составе изучаемого произведения обнаруживается необычная легенда о ересиархе Гусе Ионыше, которая искаженно описывает биографию Яна Гуса, указывая на его нищенское происхождение и профессию гусопаса. В статье проведен текстологический анализ легенды о Гусе, целью которого было определение возможных источников и мотивов формирования уничижительного легендарного нарратива об этом ересиархе. С помощью компаративистского подхода было доказано отсутствие прямых литературных источников легенды при наличии фольклорных мотивов в произведении. При структурном анализе текста было обнаружено сходство легенды о Гусе со «Словом о Гусаре» из Стишного Пролога: при сохранении композиции повествования сюжет «Слова» был инвертирован, что привело к формированию антипода иконописца – иконоборца. При контекстуализации данной легенды можно обнаружить типичность метода формирования легенды о ересиархе, целью которой была фабрикация «исторического аргумента» в полемике против «еретиков». Привнесение фольклорных элементов в биографические сведения о Гусе позволило создать более уничижительный образ основателя нового учения.

Ключевые слова: православная книжность, Ян Гус, фольклор, «еретические движения», XVI век.

Цитирование: Непряхин И.Ю. Н. А. Происхождение легенды о «Гусе Ионыше» в составе рукописного сборника XVI в. // Новое прошлое / The New Past. 2024. № 2. С. 201–212. DOI 10.18522/2500-3224-2024-2-110-123 / Nepryahin I. Yu. The origin of the legend about "Gus Ionysh" in the 16th century manuscript, in Novoe Proshloe / The New Past. 2024. No. 2. Pp. 202–212. DOI 10.18522/2500-3224-2024-2-110-123.

© Непряхин И.Ю., 2024

THE ORIGIN OF THE LEGEND ABOUT “GUS IONYSH” IN THE 16TH CENTURY MANUSCRIPT

Nepryakhin Ivan Yu.

National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia
nepryahin-ivan@mail.ru

Abstract. During the second half of the 16th century, “heretical” movements began to spread within the Kiev metropolis. The new teachings required the creation of special polemical texts, the study of which allows us to see the development of the intellectual life of the Orthodox-Catholic borderland. An anonymous work against the “guses”, preserved in three handwritten codices, became a major polemical text of this time. This work contains an unusual legend about the heresiarch Gus Ionysh, which distorts the biography of Jan Huss, pointing to his beggarly origin and profession of a goose shepherd. The article provides a textual analysis of the legend of Gus, the purpose of which was to identify possible sources and the need to form of a pejorative legendary narrative around the heresiarch. Using the comparative method, the absence of direct literary sources of the legend was proved in the presence of folklore motifs in the work. A structural analysis of the text revealed the similarity of the legend of Gus with the “Discourse on the Hussar” from the Verse Prologue: while preserving the composition of the narrative, the plot of the “Discourse” was inverted, which led to the formation of the antipode of the iconographer, who was an iconoclast. When contextualizing this legend, we can find the typical method of forming a legend around the heresiarch, whose purpose was to form a “historical” argument in the polemic against heretics. The introduction of folklore elements into the biographical information about Gus made it possible to create a more pejorative image of the founder of the new doctrine.

Keywords: Orthodox bookishness, Jan Hus, folklore, “heretical” movements, 16th century.

Интеллектуальная и религиозная история Киевской митрополии второй половины XVI в. представляет собой необычную и достаточно пеструю картину, на которой проявляются деятели не только православия и католицизма, но и проповедники различных протестантских и «еретических» учений. Среди этих религиозных движений, развивавшихся в украинско-белорусских землях, особенным явлением стало учение «гусов», сведения о которых сохранились в трех практически идентичных и близких по времени составления списках.

Изложенная анонимным книжником полемика с появившимися на территории Киевской митрополии учением уже попадала в орбиту внимания исследователей [Бегунов, 1996; Дмитриев, 2002; Турилов, 2022]: сочинение сохранилось в трех списках второй половины XVI в., хранящихся в Санкт-Петербурге [ОР РНБ, ф. 588, №840], Саратове [ОРКР ЗНБ СГУ, №228] и Вильнюсе [ОРКР ЛНБ, Суг. Ms. С:22/1014023]. В полемическом сочинении некие «еретики»-«гусы» описываются как последователи «дружин» влаха «попа Богдана». Согласно произведению, «гусы» выступали против почитания икон и креста, отрицали авторитетность церковного предания, а также выступали против авторитета священников в мирской жизни. В рамках предлагаемой статьи вопрос об истории и характере идей «гусов» не будет специально рассматриваться, а внимание будет обращено на одну из частей полемического текста — легенду о ересиархе Гусе Ионыше.

Эта легенда помещена практически в центр произведения после того, как анонимный автор частично описал учение пришлых проповедников. Вступая в диспут с «гусами», книжник считает необходимым передать биографию ересиарха, которая, однако, подается в виде легенды, выделяющейся на фоне всех имеющихся в сборнике статей. Чтобы понять, какое место в приведенном случае играет этот рассказ о ересиархе, следует выяснить, на какие источники опирался полемист и как он излагал материал.

Согласно исследуемому произведению, некогда жил сирота Гус Ионыш, с детства пасший гусей. Однажды его заметил некий латинский философ (именуемый «дида-скал», т.е. «учитель»), который сжалился над сиротой, приютил его у себя и начал учить грамоте, а затем и философии. Вскоре юноша вырос, став таким же образованным философом. Имя «Гус (Хус) Ионыш» будущий ересиарх получил от автора легенды как указание на «профессию» бывшего гусяного пастуха.

Позже дидаскал отдал ученику ключи от всего своего имущества, разрешив распоряжаться всем, кроме одной «раки», в которую запретил заглядывать. Тогда Гус Ионыш «впал в размышление», что учитель для него как отец, а он для него — как сын, отчего Гус захотел иметь доступ ко всему имуществу дидаскала. Когда тот отлучился из имения, Гус Ионыш сделал восковой слепок ключа от запретной «раки», а с него — копию у кузнеца. Втайне от учителя он отворил ящик, в котором нашел книги Ветхого Завета, написанные на латинском языке. Прочитав книги, Гус Ионыш начал размышлять над словами «Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь един есть» (Втор. 6:4) и «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли; не поклоняйся им и не служи им» (Исх. 20:4–5).

После этого Гус Ионыш сбежал от дидаскала в Прагу, где стал учить «ереси». Через некоторое время Гус начал учить весь чешский народ, напоминая заповедь о несотворении «кумиров», данную Богом Моисею. Этими идеями «прельстилась» вся Прага: жители восстали и принялись разбивать иконы. Об этом вскоре узнал «краль Жигимонть» (вероятно, имеется в виду Сигизмунд I Люксембургский), который, собрав войска, трижды пытался разбить «еретиков». Только на третий раз воины короля смогли одолеть восставших. Гус Ионыш и другие предводители «еретиков» были схвачены и сожжены на кострах.

Завершается легенда сведениями, что и по сей день, когда латиняне ловят кого-то из «гусов», они не поучают их текстами Писания, но подвергают пыткам и сжигают как «еретиков» [ОР РНБ, ф. 588, №840, л. 120–121; ОРКР ЗНБ СГУ, №228, л. 208–209; ОРКР ЛНБ. Сур. Ms. C:22/1014023, л. 366–367]¹.

Эта легенда о ересиархе с большой долей вероятности представляет собой еще один способ обличения инакомыслящих – показав ничтожность лидера, автор получает в свои руки «исторический» аргумент против своих оппонентов.

Стоит отметить, что легенда о ересиархе имеет мало общего с реальной личностью, с которой можно отождествить героя – Яном Гусом. Точки соприкосновения с чешским реформатором в основном просматриваются в «каркасе» истории: имя ересиарха (Ионыш – по наблюдениям А.А. Турилова – восходит к румынской форме имени «Ян» – «Йон» [Турилов, 2022, с. 33]); его деятельность как основателя религиозного учения («ереси»); место возникновения движения – Прага, Чешское королевство; борьба с королем Сигизмундом (вероятно, намек на начало гуситских войн), сожжение Гуса. При этом в произведении отсутствуют другие сведения о ересиархе – чешское происхождение, обучение и преподавание в Пражском университете, проповедь в Вифлеемской часовне, инквизиционный процесс в Констанце и др. Благодаря текстологическому методу и компаративному подходу можно установить особенности построения и возможные источники этого сообщения полемиста: при внимательном анализе легенды в глаза бросаются некоторые мотивы, которыми мог бы вдохновляться создатель произведения.

В первую очередь следует обратить внимание на мнение Ю.К. Бегунова, который обнаружил в легенде мотивы из новелл «Великого зеркала» – «Преступление Адамово порицает, сам сотворися преступником» и «О Иоанне Конаксе и дщерех его, како и что остави им наследие по себе» (главы 114 и 206 соответственно) [Бегунов, 1996, с. 366]. Однако при чтении новеллы об Иоанне Конаксе [Державина, 1965, с. 370–372] можно обнаружить только одно сходство с легендой о ересиархе – мотив запретного ящика. При этом дочерям Иоанна Конакса не запрещается открывать шкатулку, запертую героем от них, но, напротив, им обещается в наследство ее содержимое – то есть отсутствует элемент сокрытия содержимого. Более того, дочери Конакса изначально знали о том, что внутри – серебро (которое, к тому же,

¹ Эта легенда уже не раз пересказывалась в научной литературе [Бегунов, 1996; Дмитриев, 2002; Турилов, 2022].

оказалось заменено на булаву) [Державина, 1965, с. 371–372], что нельзя сказать о Гусе Ионыше, который прошел своеобразное испытание соблазном.

Легенда о Гусе Ионыше [ОРКР ЗНБ СГУ, №228, л. 208–209]	«О Иоанне Конаксе и дочерех его...» [ОР РГБ, ф. 310, №532, л. 145 об. – 148; Державина, 1965, с. 370–372]
...и рече емоу тои дидаскаль: «се все дахъ тобѣ, елико есть мое въ домоу моемъ, нѣ токмо ракъ, еже видиши, да не смотриши оу неи». Ниже ключъ скрыню томоу подаде емоу, нѣ носяше его самъ съ собою...	...в третій день по пиршествѣ прїидоша дщери ко отцу своему Иоанну... и вопрошають исповѣдающе: како видѣша, какова толико дивнаа шкатула сребра видѣша, и кое число ихъ. Отвѣща имъ отецъ, яко двадесать и пять тысящъ фунтовъ сребра тамо сокровенно имѣеть. И се рече: «все сіе сокровище мое по смерти моей вамъ любезнымъ дочеремъ моимъ оставити, вы сіе все имѣніе имите...

Большее сходство у легенды о ересиархе обнаруживается с главой 114 «Великого зеркала». Герой этой новеллы – раб – был поставлен своим господином перед «адамовым соблазном»: хозяин вручил ему запечатанный кувшин и запретил рабу заглядывать внутрь ни при каких условиях. Но герой новеллы, полагая, что никто не увидит его, вскрыл сосуд, откуда выпорхнула птица. Когда же хозяин спросил раба о судьбе содержимого, последний пал ниц и раскаялся в содеянном [Державина, 1965, с. 284–285].

Легенда о Гусе Ионыше [ОРКР ЗНБ СГУ, №228, л. 208–209]	«О Иоанне Конаксе и дочерех его...» [ОР РГБ, ф. 310, №532, л. 77 об. – 78; Державина, 1965, с. 284–285]
...нѣкто добръ члкъ философ латиньскыи, видѣвъ дита то сирота и худо, нѣ како пасящи нѣча гжси, и оумлсрдиса о не, и взять его от паствы гжскамъ...	...нѣкій господинъ имѣа оу себе вѣрнаго и во всемъ оугодного слугу...
...и рече емоу тои дидаскаль: «се все дахъ тобѣ, елико есть мое въ домоу моемъ, нѣ токмо ракъ, еже видиши, да не смотриши оу неи». Ниже ключъ скрыню томоу подаде емоу, нѣ носяше его самъ съ собою...	...подаде ему господинъ его сосудъ нѣкій израдно и драгоцѣнно оустроенный... и рече: «сосуд сеи вѣрности твоей вручаю, завѣщаю же да никако же дерзнеши открыти его...»
...и тои Хжсь Ионышъ въ размышленіе впаде, и рече въ себѣ: «что хочеть се быти, яко въ всемъ имѣніи моего дидаскала быхъ вѣренъ, и мене, яко вмѣсто бна да имать; и азъ его имамъ, яко бца»...	...прїимъ же сосудъ слуга и отшедь, нача мыслію мастиса восхотѣ вѣдати, что есть в драгомъ томъ сосудѣ, и чесо ради не повелѣ господинъ мои възрѣти в него...

Действительно, в этой главе обнаруживается больше сходств в поведении раба и Гуса: оба послушались господина, оба соблазнились вскрыть запретный предмет. Вполне возможно, что притча об «Адамовом соблазне» и стала одним из источников рассказа о Гусе – их основной мотив очень схож. Важно, что в XVII в. мотивы из «Великого зеркала» привлекались во время проповедей в украинских землях [Державина, 1965, с. 97], а переводческая деятельность украинско-белорусских книжников в XVI–XVII вв. концентрировалась на передаче текстов с польского, к каковым также относится и перевод «Великого зеркала» [Бахтурина, 1982, с.

83–84]. Однако, стоит признать, что, во-первых, тексты из этого памятника стали известны и популярны в православных землях лишь в XVII в. [Державина, 1965, с. 27–28]; во-вторых, мотив «адамова соблазна» крайне типичен и восходит к библейскому тексту (Быт. 2:16–17), отчего книжник при конструировании легенды мог вдохновляться текстом Ветхого Завета, а не «Великого зеркала».

Важный мотив в легенде о Гусе Ионыше подметил А.А. Турилов, указавший на сходство запрета открывать один-единственный замок со сказкой о Синей Бороде [Турилов, 2022, с. 32]. Действительно, сюжет, похожий на записанную в XVII в. Шарлем Перро сказку, берет начало еще в XIV в. и связан с колдовством и «ересью». Согласно реконструкции О.И. Тогоевой, сюжет, аналогичный тому, что повествуется в сказке о Синей Бороде, зародился в XIV–XV вв. и был достаточно популярным [Тогоева, 2006, с. 218–221], отчего вполне вероятно его проникновение в восточнославянскую книжность. Но приводимый западноевропейский сюжет не обнаруживается в православной письменной культуре, а его главный мотив — убийство жены, но не запрещение открывать единственный замок при наличии у героя (героини) ключей от всего имения. Как видно, у «легенды» отсутствуют прямые источники, но благодаря структурно-компаративистскому анализу сочинения можно обнаружить, с одной стороны, характерные для фольклорных сюжетов структуры внутри текста, а также — текст, ставший композиционным источником легенды.

В такой ситуации резонно обратить внимание на типичность мотива запрета открывания единственного замка (двери/сундука/шкатулки) в сказочном и фольклорном материалах. Согласно наблюдениям В.Я. Проппа, одним из элементов сказочного комплекса «большого дома» является мотив «запретного чулана», доступ в который не разрешен герою повествования, хотя он имеет возможность посещать все остальные комнаты в доме [Пропп, 1986, с. 140–145]. В легенде о Гусе Ионыше наблюдаются оба мотива — «запретный чулан» (в данном случае — запретная рака/сундук) и «большой дом» (некое «имение» дидаскала). Мотив «запретного чулана» встречается в сказках типа «хитрая наука», в котором обнаруживаются черты сходства с исследуемой легендой: юноша учится у мудрого человека на дому, в котором имеется одна запретная комната — в нее и проникает ученик, нарушая тем самым табу [Пропп, 1986, с. 143]. С мотивом «хитрая наука» также связан и переезд ученика к своему наставнику, а после обучения герой приобретает необычайное мастерство (по наблюдениям В.Я. Проппа это наиболее характерно для немецких сказок) [Пропп, 1986, с. 103]. Таким свойством вполне может быть и приобретаемая Гусом грамотность, ставшая основой для его учительской деятельности — распространению «ереси».

Также стоит отметить, что мотив открытия запретного замка достаточно типичен для восточнославянского фольклора и часто связан с «чудесным бегством»: герой сказки вынужден бежать от преследователя за то, что открыл табуированный замок [Андреев, 1929, с. 28; Бараг и др., 1979, с. 118; Березкин, Дувакин, 2022]. В свою очередь Гус Ионыш бежал от учителя (хоть и не был преследуем) после открытия запретной раки, отчего и мотив бегства может прослеживаться в анализируемой

легенде. Особенно важно, что в восточнославянских сказках прослеживается мотив «ученик чародея нарушает запреты», в котором имеется табу на открывание волшебной книги [Бараг и др., 1979, с. 118]. В легенде о ересиархе также присутствует книга, обладающая силой – Ветхий Завет, доступ к которой был запрещен наставником; именно открытие потаенных знаний и стало причиной бегства Гуса из имения дидаскала. В целом мотив бегства (включая его вариацию, связанную с открытием запретного сундука) достаточно часто встречается в украинском фольклоре [Андреев, 1934, с. 67], что также является аргументом в пользу «фольклорного» происхождения легенды о Гусе. Так, обнаруживается связь мотивов: хитрая наука – большой дом – запретный чулан – чудесное бегство. Данная конструкция вполне может оказаться структурой легенды, которая вобрала в себя мотивы, характерные для сказочного (фольклорного) повествования.

Еще один возможный источник происхождения легенды обнаруживается в византийской традиции: это о «Слове о гусаре», читаемое в древнерусском Прологе¹. Согласно «Слову» в пригороде Царьграда жил сирота, пасший гусей. Каждый раз, выгоняя гусей на выпас за ворота города, герой (именуемый как «Гусарь») восхищался надвратной фреской с изображением Иоанна Богослова. Желая научиться также красиво изображать лики святых, Гусарь выводил его изображение на песке, пока однажды к нему не явился сам апостол, написавший от своего имени грамоту, в которой просил императорского иконописца Хинаря взять Гусаря себе в ученики.

Гусарь отправился в Константинополь, нашел Хинаря у Святой Софии и вручил ему грамоту от апостола. Иконописец был сильно удивлен грамоте, но все же взял к себе в ученики бедняка. В это же время один из императорских мужей ставил каменную церковь, освященную в честь Иоанна Богослова – ее расписывала артель Хинаря. В том задании Гусарю было поручено покрытие стен церкви штукатуркой, на которой мастер будет писать лик апостола. Пока бедняк выполнял свою работу, к нему вновь явился Иоанн Богослов, приказавший писать с него фреску на стене церкви. Несмотря на сомнения и изначальный отказ нарушить указание учителя, Гусарь смог изобразить апостола, изображение которого всех восхитило.

Вскоре в народе пошел спор, кто лучший мастер – Хинарь или Гусарь. Разрешить его взялся сам император, приказавший обоим изобразить орла. После окончания работ император выпустил сокола, который должен был определить победителя – чья птица вышла правдоподобнее, на ту и нападет сокол. Испытание было выиграно Гусарем, которого назначили царским иконописцем. Завершается легенда упоминанием, что по-прежнему можно увидеть тех двух орлов, что писали Гусарь и Хинарь, а также икону Иоанна Богослова, что имеется в церкви, в которой работал бывший пастух гусей [Прокопенко, 2019, с. 510–513].

¹ На этот мотив уже обратил внимание А.А. Турилов: По информации исследователя, старший русский список «слова» находится в Стишном Прологе 1452 г. на декабрь – февраль в кодексе РНБ. Собр. Кирилло-Белозерского монастыря, №1/1240, л. 250 об. – 252 об. [Турилов, 2022, с. 32].

Следует обратить внимание на структурное сходство «Слова о Гусаре» с легендой о Гусе Ионыше. Имеется общий зачин (главный герой – бедняк, пасущий гусей); в обеих легендах немалую роль играет учитель (Хинарь у Гусаря и анонимный дидаскал у Гуса); оба персонажа сталкиваются с запрещением и нарушают его (запрет Гусарю писать на стенах церкви и запрещение дидаскалом открывать раку с Ветхим Заветом), что впоследствии приводит к повышению мастерства героев (Гусарь был признан лучшим иконописцем, а Гус – известным учителем); в обеих легендах важную роль играет монарх (византийский император устраивает «соревнование» между Гусарем и Хинарем, а «краль Жигимонть» громит войска восставших «еретиков»); завершаются повествования указанием на сохранение следов деятельности героев (до сих пор можно увидеть иконы; до сих пор живы «еретики»).

Легенда о Гусе Ионыше [ОРКР ЗНБ СГУ, №228, л. 208–209]	«Слово о гусаре» [Прокопенко, 2019, с. 510–513]
...тои Ионышь изъ дѣтства пасоваша гѣси... и възрасте великъ и именована философъ тои Хъсь Ионышь, ѡко от гѣскы взять его...	...есть градецъ малъ отстоящи цараграда близъ, в томъ бѣ дѣтищина мала сирому именемъ Гусарь...
...и нѣкто добръ члкъ философъ латиньскыи, видѣвъ дита то сирота и худо, нѣкако пасъщи нѣча гѣси, и оумлѣрдиса о не, и взять его от паствы гѣскамъ...	...ѡа вземъ рогозъ и чернило и написавъ грамоту и дасть Гусарьви: «азъ ѡа Богословъ, възлегъ на перси Господна и пивъ таиную его чашу, к тобѣ, Хинарю, послахъ сего дѣтища Гусаря изучи и лучи себе писати иконамъ»...
...И потомъ вържчи емоу свое бытѣ, и ключъ свои въдасть емоу, и рече емоу тои дидаскаль: «се все дахъ тобѣ, елико есть мое въ домоу моемъ, нѣ токмо ракъ, еже видиши, да не смотриши оу неи». Ниже ключъ скрыню томоу подаде емоу, нѣ носяше его самъ съ собою...	...идьи же писецъ на орудѣ застави гусара терти вапы...
...и бысть въ единъ днѣ, и дидаскаль отиде нѣкамо по своихъ потребахъ. И Гѣсь Ионышь прилѣпъть воскомъ маккымъ къ ключу рацѣ онои, и абѣ на знамена ключъ, подобно томоу ключу им же ноша его дидаскаль тои, и подаде его нѣкоему ковачю, и оучинивъ емоу ключъ. И инде въ домъ свои и въ таи отвори ракъ оноу...	...приде ему Иванъ Богословъ и глагола, что дѣеши, Гусарю. Рече же Гусарь: «тру вапы псати икону Богослова мастеру». Глагола ему ѡанъ: «въстани, пиши». Гусарь же трепетень сы рече: «азъ, Господи, ни кисти взималъ еще, ни оучилса». ѡанъ же глагола: «зря на ма, пиши». Вземъ же кисть и приимъ его за руку, писаше образъ на иконѣ...
...И бѣ члкъ остроумень и внимаше Писанію Ветьхомоу. И ста дидаскаль начать оучити по малоу люди, глаше имъ: «видите ли, что рече Бѣ ко Моусею, ѡко да са не поклоняемъ твари, ниже дѣлж рѣжкѣ члчскыихъ, ѡко идоли сѣтъ». И иныа многы прѣлести оузаконоположивъ имъ дрѣжати. И по сихъ прѣлестиса Прага вса, въсташа, и разбиша иконы своа...	...и вземше икону, несоса къ цесарви. Цесара же обуа страхъ от свѣтѣния образа. И бысть зазоръ в мужехъ цесеревыхъ, глаголяще овии, глаголаху, оучникъ гораздѣ мастера, друзии глаголаху, мастеръ горазѣдии...

<p>...и ѿко оуслыша о нихъ краль Жигимонть, събра воиски, поиде на нихъ, и они до трикраты разбиша его въиско; и едва, съ великою нѣждею, разби ихъ, да Ионыша, того ихъ дидаскала, добжде...</p>	<p>...рече же цесарь: «азъ право сужю, кто гораздиѣ». Рече же цесарь: «да напишета два орла в золотыхъ полатахъ, кто же тоею свои на стѣнѣ, азъ же възма ястрабъ и пуцю, и котораго потку еметь имати ястрабъ, то тѣтъ гораздиѣ...</p>
<p>...съжеже его и прочіи, елици быша началници тому ересоу, и съмиришаса, и обратишаса, и не хоташеи кесаревы казни ради. Да и сїи сътъ сѣма ономоу Хъсѣ Ионышу, и побѣждаеми сътъ за свои ересь. И от страха прочіимъ латиномъ, да ихъ не съжжють огнемъ, понеже латини нигдѣ обращоуть бѣди коего гѣса, не истазають его Писаніемъ въ что вѣроуетъ, ѿкоже мы, хрстіане, съ стымъ Писаніемъ хоцемъ ихъ побѣдити и обратити ко полезному и не блазномуу пѣти, нѣ тоу ихъ предадать огню, и огнемъ ихъ истазають, и иссѣшають, а не Ветхимъ и Новымъ Писаніемъ, ѿкоже мы...</p>	<p>...еста же потцѣ тѣ въ златыхъ полатахъ, идеже написанѣ икону же ту стго Іоана Богослова, несоса въ церковь, идеже бѣ написана...</p>

Любопытно, что «Слово о Гусаре» представляет собой памятник восхваления иконопочитания, что связано с представлением об Иоанне Богослове как покровителе иконописного мастерства [Турилов, 2006, с. 75]. Напротив, легенда о Гусе Ионыше является анти-иконоборческим полемическим произведением, что позволяет рассматривать героев этих произведений как своего рода антиподов. Поскольку «Слово о Гусаре» известно в списках Пролога с XIV в. [Прокопенко, 2019, с. 502], с большой вероятностью книжник-полемист был знаком с этим чудом Иоанна Богослова. Возможно, мы имеем дело с инверсией образа благочестивого христианина-иконописца, что приводит к конструированию его антонима – образа проклятого «еретика»-иконоборца. Почти одноименные герои становятся противоположностями друг друга, а обличение иконоборчества идет через напоминание слушателю образа благодатного иконопочитания. Можно утверждать, что имеется определенное сходство персонажей, отчего книжник-сочинитель легенды мог взять мотив (или сделать отсылку) при полемике с основателем «ереси» – Гусом Ионышем.

Стоит отметить, что в период второй половины XVI в. в Великом княжестве Литовском, как и в Московском государстве, авторы-полемисты часто прибегали к историческому материалу в качестве доказательства неистинности взглядов своих оппонентов и отсутствия у тех преемственности с древними традициями. Так, в пределах Московской Руси в 1550-х гг. в целях борьбы с «еретическим» движением Феодосия Косого¹ иноком Зиновием Отенским был создан ряд сочинений, связанных с открытием мощей святителя Никиты Новгородского и архиепископа Ионы Новгородского. В описание обретения мощей двух церковных деятелей органично вплеталось обличение идей Феодосия Косого, частью доктрины которого было

¹ О нем см.: [Калугин, 1894; Клибанов, 1960, с. 265–302; Дмитриев, 1990, с. 82–93].

отрицание святости мощей [Калугин, 1894, с. 314–357]. Еще более публицистически заостренным является «Слово похвальное об Ипатии, епископе Гангрском», также созданное Зиновием. В этом сочинении православный автор полемизирует с учением раннехристианского ересиарха Ария, черты учения которого он приписывает своему оппоненту, Феодосию Косому [Корецкий, 1965, с. 170–172]. Такой прием позволяет, кроме создания исторических аналогий, показать некоторую историческую преемственность между «еретиками» древних времен и современными автору, а также указать на их будущее низвержение. Такой полемический метод, хоть и имеет в своей основе обращение к историческому материалу, тем не менее, несколько отличен от приема, примененного в легенде о Гусе Ионыше, поскольку не изменяет историю движения, но создает исторические аналогии.

В пределах Киевской митрополии второй половины XVI – начала XVII вв. подобный метод полемики (и публицистики), видимо, оказался недостаточным для низвержения православными «еретических» движений. Несмотря на ограниченное количество текстов, связанных с взаимной полемикой ортодоксов с новыми учениями, распространившимися среди восточнославянского населения Речи Посполитой, можно обнаружить сочинения, которые искажали исторические сведения, тем самым создавая легендарные повествования о религиозных движениях.

Так, важной попыткой доказать восточнославянскими «еретиками» «древность» собственного учения стало поддельное «письмо» половца Ивана Смеры великому князю Владимиру Святославичу, согласно которому в период «выбора веры» киевским князем один из его подданных, половец Иван Смера, был послан в пределы христианского востока, где обнаружил «правильную веру», преследуемую греческими священниками, которые учредили традиции почитания икон и мощей [Малышевский, 1876, Т. 2, с. 472–477]. Как убедительно доказал историк церкви И.И. Малышевский, это легендарное произведение было создано в середине XVI в. дьяконом Андреем Колодыньским из Витебска (позже взявшим себе имя Козьма), который был одним из активных членов «еретического» движения Феодосия Косого, а позже присоединился к сторонникам Симона Будного, авторитетного проповедника антитринитаризма [Малышевский, 1876, Т. 3, с. 141–149]. Этот поддельный текст, основанный на летописном рассказе-легенде об «Испытании вер», намеренно формирует легендарный нарратив вокруг проповедников новых учений в Великом княжестве Литовском, отчего само «письмо» приобретает публицистический характер. Более того, обращения в сочинении к князю (в тексте он именуется царем) Владимиру, а также многочисленные проклятия в сторону «греческой веры» позволяют атрибутировать «письмо» как политический памфлет, что в таком случае роднит его с Молением Ермолая-Еразма и челобитными И.С. Пересветова [Клибанов, 1960, с. 273–274].

Иным примером формирования искаженного исторического повествования о религиозных противниках являются созданные в конце XVI – первой четверти XVII вв. антипротестантские тексты, рассказывающие краткую историю Реформации [Опарина, 2023, с. 16–35] и биографии ее идеологов. Самым ранним сочинением об

истории Реформации, бытовавшим в православной среде стала статья «О Мартине Лютере и его ереси», помещенная в Русский Хронограф Пространной редакции, которая представляла собой перевод с польского языка фрагментов Хроники Мартина Бельского [Опарина, 2023, с. 21]. В этом небольшом рассказе о протестантах биографические сведения о Мартине Лютере ограничиваются ложным сообщением о его кардинальском статусе, а также о его самовольном расстрижении из монашества [Опарина, 2023, с. 21–22].

Более подробным, но при этом и более легендарным, является анонимный рассказ о деятельности Лютера, сохранившийся в составе рукописного сборника 1620-х гг. (ОР РНБ, ф. 588, №1121): «В лѣто 1516-го в Римѣ бысть у папы нѣкто убогъ ихъ латынскои мних, а родомъ немчинъ, имянемъ Мартынъ. И по случаю некоторому обрѣте в книгохранителницѣ папинѣ Евангліе немецкимъ языкомъ писано. Мартинъ же велми возжелѣвъ ему, понеже нѣмцы священныхъ книгъ не имѣяху своимъ языкомъ, но латинскимъ совершаху свою службу. И укравъ у папы Евангліе и збежавъ во Францескую землю не в которыи не в нарочить городъ в томъ же граде бяще князь родомъ немчинъ. Мартинъ мнихъ платья мнишеское з себя сметаль и облекся в мирьское платье и прилеписа оному князю слугою. Князь же онъ бѣ злѣо книголюбивъ. Мартинъ же розстрига прилѣжно разсмотривъ безразсудное рачительство княже ко книгописаннымъ буквамъ. И обрете время покаха князя своему оно украденное Евангліе у папы. Князь же видѣвъ родственнымъ его языкомъ Евангельскую книгу искренне возлюбилъ его. И часто с нимъ бесѣдуа о Божественномъ Писании. Прелестникъ же мартинъ от сего дерзновении приимъ нача по малу малоразсуднаго того князя отвращати от предании апостольскихъ и отеческихъ. Самъ же Мартинъ инокиню нѣкую возлюбилъ и иноческіе ризы сметати ей повелѣ. И бракъ женѣства с нею учинилъ» [цит. по Опарина, 2023, с. 22–23].

Приведенный отрывок, очевидно, серьезно искажает историю возникновения и распространения лютеранского учения и, аналогично рассказу о Гусе Ионыше, представляется легендой, уничижающей лидера нового движения как вора и обманщика. Более того, обе легенды обнаруживают сходства в мотивах описания героев: латинское образование (дидакал — латинский философ; папа римский), кража священного текста (книги Ветхого Завета на латинском языке; Евангелие на немецком языке), бегство с украденным в другую страну (чешские земли; французские земли). Маловероятно, что, будучи более ранним произведением, легенда о Гусе Ионыше стала источником для рассказа о Лютере. Однако, схожесть их мотивов показывает стремление к уничижению религиозного противника, источники для которого авторы находили в фольклорных сюжетах.

В целом следует отметить, что в религиозной полемике XVI в. обращение к историческому материалу и его искажение было частым приемом доказательства своего превосходства над оппонентом, что в своих текстах использовали не только православные авторы (наиболее ярко — в легендах о Гусе и Лютере), но и сами «еретики» («письмо» Ивана Смеры). Вероятно, прием исторического уничижения противника и указание на его низкое происхождение был достаточно популярным

и эффективным, поскольку он обнаруживается в «Родословии литовских князей», следующем после «Сказания о князьях Владимирских», одной из целей которого было уничтожение литовских князей в их претензиях на статус объединителей восточнославянских земель [Дмитриева, 1955, с. 135–151]. Фактически эти легенды становились частью литературной публицистики XVI в. и превращались в социально-политическое высказывание автора-полемиста.

В этом отношении стоит обратить внимание на важную особенность исследуемого текста – а именно анти-иконоборческие декларации автора. Сама легенда, как было показано выше, представляет собой «перевернутое» и дополненное повествование о Гусаре-иконописце, что уже показывает стремление автора подчеркнуть важность почитания икон в православии (а заодно – желание намекнуть на известный читателю идеал – иконописца). Кроме того, подчеркивается иконоборческая деятельность Гуса («И по сих прѣлестиса Прага вса, въсташа, и разбиша иконы своа, и безвьѣсти ихъ сътвориша, и ина многа зла сътвориша» [ОР РНБ, ф. 588, №840, л. 120 об.]), в то время как полностью опущены какие-либо другие черты учения «гусов» (например, их осуждение монашества и культа святых, что позже описывается в трактате достаточно подробно). Вероятно, полемист в первую очередь видел в «еретиках» именно иконоборцев, которые, в поисках аргументов обращались к текстам Ветхого Завета, но не ставили его выше Нового Завета (со слов полемиста, «гусы» почитали равно оба Завета, а также Псалтырь [ОРКР ЗНБ СГУ, Инв. №228, л. 209–209 об.]). Это положение позволяет усомниться в трактовке движения «гусов» как «иудаизантского» [Дмитриев, 2016, с. 236–238]. Это предположение дополнительно подтверждается тем фактом, что в одном из самых значительных антипротестантских украинско-белорусских произведений начала XVII в. – «Книге об образех» – имеется описание линии «преемственности» между крупными деятелями европейской Реформации, где Ян Гус, Мартин Лютер, Жан Кальвин, Михаил Сервет и другие проповедники протестантских идей названы именно «образборцами» [Опарина, 2023, с. 26–27]. Вполне вероятно, что православные полемисты придавали большое значение именно иконоборческому характеру учения протестантов, при этом не отличая названные учения друг от друга [Казакова, 1980, с. 226; Опарина, 2023, с. 20–21]. Это характерно и для рассказа о ересиархе «гусов», чей литературный образ является именно иконоборческим.

Итак, легенда о Гусе Ионыше предстает необычным литературно-публицистическим памятником, ставшим элементом полемики с «еретиками». При детальном анализе произведения можно обнаружить, во-первых, фольклорные мотивы, использованные автором для формирования нарративной канвы и наполнения дополнительной информацией повествования; во-вторых, мотивы из византийской литературной традиции, которые проявились в творчестве полемиста в виде отсылки на известное произведение или заимствования топосов из него. Создавая фольклорный и уничижительный образ ересиарха, книжник формулирует «исторический» аргумент против своих оппонентов, указывая на заблуждения «еретиков». Подобный прием был крайне типичным и для полемической антиеретической, и для социально-политической литературы XVI в. Легенда о Гусе Ионыше таким образом предстает с

одной стороны как элемент описания «истории ереси», а с другой – формой литературной обработки имеющихся (вероятно, скудных) фактов о Яне Гусе, отчего автор решил прибегнуть к поиску известных ему аналогий с именем и историей обличаемого учения. Использование метода «исторического изобличения» противника получило свое продолжение в конце XVI – начале XVII вв. в православных антипротестантских текстах, в которых искажались биографии деятелей Реформации. Будучи частью антиеретического полемического сочинения, легенды о ересиархах становились органической частью полемики с идеологическими противниками.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Андреев Н.П.* К характеристике украинского сказочного материала // *Сергею Федоровичу Ольденбургу: к пятидесятилетию научно-общественной деятельности 1882–1932.* Л.: Издательство АН СССР, 1934. С. 61–72.
- Андреев Н.П.* Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л.: Издание Государственного русского географического общества, 1929. 118 с.
- Бараг Л.В., Березовский И.П., Кабашников К.П., Новиков Н.П.* Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л.: Наука, 1979. 437 с.
- Бахтурина Р.В.* К вопросу о ранних восточнославянских переводах с польского // *История русского языка. Исследования и тексты.* М.: Наука, 1982. С. 75–92.
- Бегунов Ю.К.* Ян Гус и восточное славянство (По материалам новонайденного источника) // *Труды Отдела древнерусской литературы.* Т. 49. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 356–375.
- Березкин Ю.Е., Дувакин Е.Н.* Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. URL: <http://ruthenia.ru/folklore/berezkin/k118.html> (дата обращения – 12.08.2023 г.).
- Державина О.А.* «Великое зеркало» и его судьба на русской почве. М.: Наука, 1965. 439 с.
- Дмитриев М.В.* От антииудаизма к иудаизантизму в православной культуре Востока Европы в конце XV–XVI вв. // *Polystoria: Цари, святые, мифотворцы в средневековой Европе.* М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. С. 207–264.
- Дмитриев М.В.* Православие и реформация. Реформационные движения в восточнославянских землях Речи Посполитой во второй половине XVI в. М.: Издательство МГУ, 1990. 135 с.
- Дмитриев М.В.* «Єресь гусів» та «єресь Феодосія Косого» в українсько-білоруському релігійному житті третьої чверті XVI ст. // *Вісник Львівського університету. Серія історична.* 2022. Вип. 37. Част. 1. С. 122–144.
- Дмитриева Р.П.* Сказание о князьях Владимирских. М.: Издательство АН СССР, 1955. 216 с.
- Казакова Н.А.* Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков. Из истории международных культурных связей. Л.: Наука, 1980. 278 с.

Калугин Ф. Г. Зиновий, инок Отенский, и его богословско-полемические и церковно-учительные произведения. СПб.: Типография А. Катанского и Ко, 1894. 410 с.

Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI вв. М.: Издательство АН СССР, 1960. 411 с.

Малышевский И. И. Подложное письмо половца Ивана Смеры к Великому князю Владимиру Святому // *Труды Киевской духовной академии*. Киев: Университетская типография, 1876. Т. 2. С. 472–553.

Малышевский И. И. Подложное письмо половца Ивана Смеры к Великому князю Владимиру Святому (окончание) // *Труды Киевской духовной академии*. Киев: Университетская типография, 1876. Т. 3. С. 141–233.

Пропл В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Издательство ЛГУ, 1986. 364 с.

Корецкий В. И. Вновь найденное противоеретическое произведение Зиновия Отенского // *Труды Отдела древнерусской литературы*. 1965. Т. 21. С. 166–182.

Опарина Т. А. Русский человек XVII века: выбор веры. М.: Квадрига, 2023. 400 с.

Прокопенко Л. В. Гусарь и Хинарь – два почти одноименных персонажа древнерусского Пролога // *Вестник СПбГУ. Язык и литература*. 2019. Т. 16. Вып. 3. С. 501–518.

Тогоева О. И. «Истинная правда»: языки средневекового правосудия. М.: Наука, 2006. 331 с.

Турилов А. А. К истории Стишного пролога на Руси // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2006. №1. С. 36–39.

Турилов А. А. Известия о Яне Гусе в сочинениях православных книжников XV–XVI веков // *Славяноведение*. 2022. №4. С. 27–39.

Отдел редкой книги и рукописей Литовской национальной библиотеки им. М. Мажвидаса (ОРКР ЛНБ). Сур. Ms. С:22/1014023.

Отдел редкой книги и рукописей Зональной научной библиотеки им. В. А. Артисевич Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского (ОРКР ЗНБ СГУ). №228.

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 310. № 532.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 588. № 840.

REFERENCES

Andreev N. P. K kharakteristike ukrainskogo skazochnogo materiala [Toward the characteristics of the Ukrainian fairy tale material], in *Sergeyu Fedorovichu Ol'denburgu: k pyatidesyatiletiju nauchno-obshchestvennoi deyatel'nosti 1882–1932* [To Sergey Fedorovich Oldenburg: to the fiftieth anniversary of scientific and social activity 1882–1932]. Leningrad: USSR Academy OF Sciences Publ., 1934. Pp. 61–72 (in Russian).

Andreev N. P. *Ukazatel' skazochnykh syuzhetov po sisteme Aarne* [Index of fairy-tale plots according to the Aarne system]. Leningrad: State Russian Geographical Society Publ., 1929. 118 p. (in Russian).

Barag L.V., Berezovskii I.P., Kabashnikov K.P., Novikov N.P. *Sravnitel'nyi ukazatel' syuzhetov. Vostochnoslavianskaya skazka* [Comparative index of plots. East Slavic fairy tale]. Leningrad: Nauka Publ., 1979. 437 p. (in Russian).

Bakhturina R.V. K voprosu o rannikh vostochnoslavianskikh perevodov s pol'skogo [On the question of early East Slavic translations from Polish], in *Istoriya russkogo yazyka. Issledovaniya i teksty* [History of the Russian language. Studies and texts]. Moscow: Nauka Publ., 1982. Pp. 75–92 (in Russian).

Begunov Yu.K. Yan Gus i vostochnoe slavyanstvo (Po materialam novonaidennogo istochnika) [Jan Hus and the Eastern Slavs (Based on the materials of a newly found source)], in *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. T. 49. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 1996. Pp. 356–375 (in Russian).

Berezkin Yu.E., Duvakin E.N. *Tematicheskaya klassifikatsiya i raspredelenie fol'klornomifologicheskikh motivov po arealam. Analiticheskii katalog* [Thematic classification and distribution of folklore and mythological motifs by areas. Analytical catalog.]. Available at: <http://ruthenia.ru/folklore/berezkin/k118.html> (accessed 12 August 2023).

Derzhavina O.A. "Velikoe zertsalo" i ego sud'ba na russkoi pochve [The "Great Mirror" and its fate in Russian lands]. Moscow: Nauka Publ., 1965. 439 p. (in Russian).

Dmitriev M.V. Ot antiudaizma k iudaizantizmu v pravoslavnoi kul'ture Vostoka Evropy v kontse XV–XVI vv. [From anti-Judaism to Judaism in the Orthodox culture of Eastern Europe in the late 15th–16th centuries], in *Polystoria: Tsari, svyatyte, mifotvortsy v srednevekovoi Evrope* [Polystoria: Tsars, saints, myth-makers in Medieval Europe]. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2016. Pp. 207–264. (in Russian).

Dmitriev M.V. *Pravoslavie i reformatsiya. Reformatsionnye dvizheniya v vostochnoslavianskikh zemlyakh Rechi Pospolitoi vo vtoroi polovine XVI v.* [Orthodoxy and the Reformation. Reformation movements in the East Slavic lands of the Polish-Lithuanian Commonwealth in the second half of the 16th century]. Moscow: MGU Publ., 1990. 135 p. (in Russian).

Dmitriev M.V. "Eres' gusiv" ta "Eres' Feodosiya Kosogo" v ukrains'ko-bilorus'komu religiiinomu zhitti tret'oi chverti XVI st. ["The heresy of Guses" that "the heresy of Feodosy Kosoy" in the Ukrainian-Belarusian religious life of the third quarter of the XVI century], in *Visnik L'vivs'kogo universitetu. Seriya istorichna*. 2022. Issue 37. Part 1. Pp. 122–144 (in Ukrainian).

Dmitrieva R.P. *Skazanie o knyaz'yakh Vladimirsikh* [The Tale of the Princes of Vladimir]. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1955. 216 p. (in Russian).

Kazakova N.A. *Zapadnaya Evropa v russkoi pis'mennosti XV–XVI vekov. Iz istorii mezh-dunarodnykh kul'turnykh svyazei* [Western Europe in the Russian writing of the 15th–16th centuries. From the history of international cultural relations.]. Leningrad: Nauka, 1980. 278 p. (in Russian).

Kalugin F.G. *Zinovii, inok Otenskii, i ego bogoslovsko-polemicheskie i tserkovno-uchitel'nye proizvedeniya* [Zinovy, Monk of Oten, and his theological-polemical and church-teaching works]. St. Petersburg: Printing house of A. Katansky and Co., 1894. 410 p. (in Russian).

Klibanov A.I. *Reformatsionnye dvizheniya v Rossii v XIV – pervoi polovine XVI vv.* [Reformation movements in Russia in the 14th – first half of the 16th centuries.]. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1960. 411 p. (in Russian).

Koretskii V.I. Vnov' naidennoe protivoreticheskoe proizvedenie Zinoviya Otenskogo [The newly found anti-heretic work of Zinovy Otensky], in *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Works of the Department of Ancient Russian Literature]. 1965. T. 21. Pp. 166–182. (in Russian).

Malyshevskii I.I. Podlozhnoe pis'mo polovtsa Ivana Smery k Velikomu knyazyu Vladimiru Svyatomu [A forged letter from the Polovtsian Ivan Smera to the Grand Duke Vladimir the Saint], in *Trudy Kievskoi dukhovnoi akademii* [Works of the Kiev Theological Academy]. Kiev: University print house, 1876. T. 2. Pp. 472–553. (in Russian).

Malyshevskii I.I. Podlozhnoe pis'mo polovtsa Ivana Smery k Velikomu knyazyu Vladimiru Svyatomu (okonchanie) [A forged letter from the Polovtsian Ivan Smera to the Grand Duke Vladimir the Saint (the end)], in *Trudy Kievskoi dukhovnoi akademii* [Works of the Kiev Theological Academy]. Kiev: University print house, 1876. T. 3. Pp. 141–233. (in Russian).

Oparina T.A. *Russkii chelovek XVII veka: vybor very* [The Russian man of the XVII century: the choice of faith]. Moscow: Quadriga, 2023. 400 p. (in Russian).

Propp V.Ya. *Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [Historical roots of fairy tales]. Leningrad: LGU Publ., 1986. 364 p. (in Russian).

Prokopenko L.V. Gusar' i Khinar' – dva pochti odnoimennykh personazha drevnerusskogo Prologa [Gusar and Hinar – two almost eponymous characters of the Old Russian Prologue], in *Vestnik SPbGU. Yazyk i literature*. 2019. Vol. 16. Issue 3. Pp. 501–518 (in Russian).

Togoeva O.I. *"Istinnaya pravda": yazyki srednevekovogo pravosudiya* ["The True Truth": languages of medieval justice]. Moscow: Nauka Publ., 2006. 331 p. (in Russian).

Turilov A.A. K istorii Stishnogo prologa na Rusi [On the history of the Verse Prologue in Russia], in *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2006. No. 1. Pp. 36–39 (in Russian).

Turilov A.A. Izvestiya o Yane Guse v sochineniyakh pravoslavnykh knizhnikov XV–XVI vekov [Information about Jan Hus in the writings of Orthodox scribes of the XV–XVI centuries], in *Slavyanovedenie*. 2022. No. 4. Pp. 27–39 (in Russian).

Department of Rare Books and Manuscripts of the Lithuanian National Library of the M. Mazhvėdas (ORKR LNB). Cyr.Ms.C:22/1014023.

Department of Rare Books and Manuscripts of the V.A. Artisevich Zonal Scientific Library of the Saratov State University of the N.G. Chernyshevsky (ORC ZNB SSU). No. 228.

Department of Manuscripts of the Russian State Library (OR RSL). F. 310. No. 532.

Department of Manuscripts of the Russian National Library (OR RNB). F. 588. No. 840.

Статья принята к публикации 19.04.2024